

сле анализа русской речи русским и его оценочной характеристики автор переходит к ситуации, где русский оценивает русскую речь национала.

В неисконной русской речи совершенно иным образом оценивается лексика. Здесь на первый план выдвигается неприкосновенность фонетического облика слова, в первую очередь оценивается наличие ошибок. В работе представлена вербальная шкала оценок речи, на самой нижней ступени которой, отрицательной, расположена оценка "ни бум-бум", т.е. ни слова не понимает; на верхней "чисто по-русски", что означает высокое языковое умение.

Свой раздел Э.А. Григорян завершает описанием уровней владения языком. Выделены уровни, где речь невнятна. Затем следует элементарный уровень, где речь понятна, односложна и с ошибками на всех ярусах. Следующий уровень так называемый достаточный, где речь понятна, лексика безошибочна, темп

нормальный, ошибки только на грамматическом ярусе. Наконец, следует корректный уровень т.е. нормальная речь с нарушениями только на интонационном ярусе.

\* \* \*

В заключение отметим, что все три части рецензируемой монографии читаются с большим интересом. Поднятые в ней проблемы, связанные со становлением, развитием и функционированием русского языка за пределами своего этноса, лингвистические и научно-методологические вопросы рассматриваются в совершенно новом аспекте.

Авторы заглянули как бы за другую сторону медали, обнаружив там ряд белых пятен, нуждающихся в серьезном научном осмыслении и интерпретации. С этой задачей авторы справились успешно.

Э.Г. Туманян

G. Lazard. Etudes de linguistique générale: typologie grammaticale. Leuven; Paris: Peeters, 2001. – XVI + 472 p.

Данная книга по своему жанру ближе всего к тому, что обычно называется "избранные труды": в нее входят двадцать четыре статьи, написанные и опубликованные автором в разные годы, но преимущественно в течение последнего десятилетия. Все эти статьи посвящены проблемам грамматической типологии – как общим (теоретический статус типологии как научной дисциплины, ее принципы и методы, терминология и т.п.), так и более конкретным (анализ отдельных грамматических категорий, особенно в сфере выражения актантных отношений и модальности). Статьи воспроизводятся в том виде, в каком они были первоначально опубликованы; четыре статьи сборника написаны по-английски, остальные – по-французски. Одна работа печатается впервые.

Публикация этой книги – событие, которого давно ожидали и которое следует всячески приветствовать. Ее автор, французский лингвист Жильбер Лазар – безусловно, один из ведущих и наиболее авторитетных современных типологов (по крайней мере, в Европе и в тех странах за ее пределами, где наукой еще признано право изъясняться не только по-английски). Следует сразу отметить, что вклад Ж. Лазара в лингвистику отнюдь не исчерпывается публикациями, собранными в данной книге: он является признанным специалистом в области иранской филологии, автором одной из наиболее час-

то цитируемых грамматик современного персидского языка [Lazard 1957] и целого ряда комментированных переводов классиков персидской литературы. Кроме того, лингвисты-теоретики хорошо знакомы с его фундаментальной книгой "Актантная структура" (французское издание вышло в 1994, английское – в 1998 г. [Lazard 1994 и 1998]), а специалисты по языкам Океании – с подробной грамматикой тантрянского языка (написанной в соавторстве с носительницей языка Л. Пельтцер и рассчитанной в том числе и на типологов [Lazard, Peltzer 2000]). К этому следует добавить, что в 1984 г. Ж. Лазар создал и до самого недавнего времени возглавлял группу по изучению актантной структуры предложения (RIVALS); он же был одним из инициаторов издания трудов этой группы, – периодического сборника "Actances", выходящего в Париже.

Как признается сам Ж. Лазар в предисловии к книге, разнообразие естественных языков привлекало его всегда – не случайно одним из первых эпизодов его научной биографии стало участие, еще в студенческие годы, в подготовке второго издания энциклопедии "Языки мира" под руководством М. Козна (этого лингвиста, наряду с Вандриесом, Бенвенистом, Шантреном и Рену, он считает своим учителем). Однако если в 50–70 гг. Лазар в основном выступал в печати как иранист, то 80-е и особенно 90-е гг. являются периодом его очень интенсивной деятельности в

области типологии – прежде всего, типологии предикатно-аргументных отношений, но также и грамматической типологии в целом<sup>1</sup>. В рецензируемой книге собраны работы именно этого, “типологического” периода научной деятельности Ж. Лазара. В совокупности они дают достаточно полное представление о теоретических взглядах автора. Хотя многие работы Ж. Лазара хорошо известны, книга позволяет получить гораздо более объемную и цельную картину – тем более, что ряд важных статей был в свое время напечатан в малодоступных изданиях (к сожалению, не все известные публикации Лазара вошли в сборник; отсутствует в сборнике и полная библиография его работ, которая была бы совсем не лишней).

Книга состоит из четырех разделов. В первый раздел входят работы, в которых рассматриваются общие проблемы типологии и теории языка. Второй раздел состоит из работ, посвященных главной теме Ж. Лазара, т.е. актантной структуре глагола (франц. “*acteance*”)<sup>2</sup>. Третий раздел состоит из статей, также связанных с проблематикой актантной структуры, но рассматриваемой более узко – с точки зрения типологии оформления объектов. Наконец, в четвертый раздел входят статьи, в которых анализируются несинтаксические категории глагола – в первую очередь те, которые связаны с выражением ирреальности и эвиденциальности.

Перейдем к более подробной характеристике каждого раздела.

Сборник открывается во многих отношениях знаменательной статьей под названием “Является ли лингвистика наукой?” (впервые опублик. в 1999 г.). Лингвистику на современном этапе ее развития автор определяет как “протонауку”, используя выражение известного французского философа Ж.-Г. Гранже, сравнившего современное гуманитарные науки с физикой в эпоху Галилея. Для протонауки характерны постоянные споры об объ-

екте и методах и наличие большого числа конкурирующих друг с другом (но с трудом сопоставимых) теорий. По словам Гранже, в физике в то время “могли разрабатываться очень тонкие системы понятий, часто чрезвычайно сложные и внутренне последовательные, до сих пор поражающие воображение историков науки, – но все эти замечательные конструкции работали вхолостую, поскольку изначально было неясно ни с какой целью они изобретались, ни какие объекты описывали”. Не узнать в этой пессимистической картине современную лингвистику, действительно, трудно. В поисках теории, которая наилучшим образом определяла бы объект изучения и методы, Ж. Лазар наиболее подробно останавливается на трех лингвистических “парадигмах”: компаративистике, генеративной лингвистике и типологии.

Компаративистика (как процедура реконструкции и установления генетического родства языков), на первый взгляд, имеет наибольшие шансы называться настоящей наукой, несмотря на хорошо известные ограничения и противоречия, связанные с лежащей в ее основе моделью родословного древа. Проблема, однако, состоит в том, что классическая компаративистика описывает лишь факты исторической эволюции отдельных языков, т.е. является исторической дисциплиной, а история в принципе не может считаться наукой в том смысле, какой вкладывают в этот термин Кун или Гранже. Для достижения статуса науки лингвистике необходимо располагать общими, универсальными законами функционирования языка (в том числе и общими законами его исторического развития, поскольку изменение языка во времени является одним из аспектов его функционирования). Современная компаративистика от решения этой задачи далека.

Генеративная теория языка, с другой стороны, претендует именно на описание – в рамках строгой формальной модели – общих законов развития языка (составляющих врожденную “универсальную грамматику”, связанную к тому же с процедурой усвоения языка ребенком). Однако существует разительное противоречие между претензиями генеративной теории и ее, по выражению Лазара, “разочаровывающе скудными” результатами. Для теории, претендующей на статус единственно научной и психологически адекватной, генеративная грамматика за сорок лет своего существования слишком часто и слишком радикально менялась в самых основах. Другое уязвимое место этой теории – узость эмпирической базы: генеративисты практически не работают с большими массивами текстов, ча-

<sup>1</sup> Напомним, что, помимо указанной выше монографии, Ж. Лазаром написан и очень большой по объему теоретический раздел в недавнем сборнике [Feuillet 1998], посвященном актантным структурам языков Европы (см. нашу рецензию на этот сборник [Daniel, Plungian 1999]).

<sup>2</sup> Термин “актантная структура” отражает прежде всего существующую в языке стратегию формального выражения основных семантических ролей; поэтому двумя главными типами актантной структуры признаются аккумулятивная и эргативная (см. подробнее ниже).

ще всего используя искусственно построенные изолированные высказывания, отражающие достаточно маргинальные явления языка. Одним местом критики генеративизма является и англоцентризм этой теории, так и не преодоленный за несколько десятилетий ее существования. Лазар по этому поводу замечает, что строгие формальные процедуры генеративной теории оказываются в каком-то смысле построенными на песке в силу зыбкости большинства исходных понятий (таких, например, как имя и глагол, подлежащее и дополнение, и т.п.), и приводит любопытную цитату из Гранже, гласящую, что плодотворная математическая формализация возможна только на содержательно интересном концептуальном материале, и что в силу этого современные гуманитарные науки «имеют ту математизацию, которую заслуживают». К этому Лазар добавляет, что чтение генеративистской литературы у человека, не разделяющего теоретических убеждений Хомского, вызывает прежде всего острое чувство сожаления по поводу того, что так много интеллектуальных усилий в течение такого длительного времени расходуется, как кажется, почти впустую – и это в то время, когда сотни языков находятся под угрозой исчезновения и обширнейший лингвистический материал остается неопианным и невостребованным. Надо сказать, что подобная критика в адрес генеративной теории звучит постоянно (Лазар лишь лаконично резюмирует то, что до него говорили очень многие), и эти упреки трудно не признать справедливыми даже при самом сочувственном отношении к теории Хомского.

Отказывая компаративистике в статусе науки, а генеративную теорию соглашаясь считать в лучшем случае интеллектуальной игрой, изощренной, но бесполезной, Лазар обращается к лингвистической типологии, с которой он (вслед за Л. Ельмслевым, Дж. Гринбергом и многими другими лингвистами) и связывает надежды на постепенное превращение лингвистики из протонауки в науку, на переход от дескриптивной стадии (поиск фактов) к индуктивной (поиск обобщений, сделанных на основе фактов). Задачи, которые ставит себе лингвистическая типология (например, поиск универсалий, понимаемых как общие законы функционирования языка), являются задачами, решение которых действительно может способствовать повышению научного статуса лингвистики. Проблема современной типологии состоит в том, что она часто некритически использует традиционные понятия, и результаты, полученные таким образом, оказываются не очень надежными и плохо поддающимися верифи-

кации. Однако этот недостаток преодолить – необходимо лишь больше внимания уделять строгому определению объекта изучения (как при описании, так и при межъязыковом сравнении), отделяя существенные признаки от несущественных. Суть процедуры, предлагаемой Лазаром, такова: на основе некоторого интуитивного представления о языках постулируются ясно определенные исходные понятия; с их помощью формулируется гипотеза, которая затем эмпирически (т.е. путем привлечения нового языкового материала) подтверждается или опровергается – такого рода отношение к фактам и теориям в наибольшей степени способно сблизить лингвистику со зрелыми науками (например, естественными).

В качестве иллюстрации Лазар предлагает свое собственное определение актантной структуры (эта проблема так или иначе поднимается и во многих других статьях сборника). Традиционные определения основных актантных структур опираются на такие спорные понятия, как подлежащее, дополнение и переходность. Этого можно избежать, если вначале задать понятие «прототипического действия» (предполагающего, что индивидуализированный агент некоторым существенным образом воздействует на индивидуализированного пациенса), которое во всяком языке выражается с помощью «главной двухактантной конструкции», включающей агента и пациенса. Далее эта конструкция сравнивается с одноактантными конструкциями данного языка и делаются обобщения относительно возможных способов маркирования актантов. Другими примерами подобного подхода (опирающегося на ясные и универсальные прототипы, с которыми соотносятся менее ясные по своему статусу феномены) могут служить используемые Д. Даути или Б. Примуса понятия «прото-ролей», теория «когнитивного представления ситуации» У. Крофта, известная теоретическая концепция Х. Зайлера и т. п. (вообще говоря, в современной функциональной типологии подобная или близкая идеология постепенно становится преобладающей).

Целью типологического исследования языка следует считать межъязыковые и в а р - а н т ы, которые следует понимать как возможные типы связей между формами и значениями. Формулировать инварианты предпочтительно в виде шкалы (или континуума) возможной вариативности. Примерами таких формулировок могут служить следующие: в случае так называемой расщепленной эргативности аккузативную конструкцию образуют имперфективные глагольные формы, а эргативную конструкцию – перфективные; в

случае дифференциального маркирования объекта маркированным всегда оказывается более определенный, более личный или более тематичный объект и т.п. Объяснение этих закономерностей не является ближайшей задачей лингвистической типологии, но, безусловно, также представляет научный интерес.

Таким образом, для приближения к статусу науки лингвистике необходимо опираться на максимально представительный эмпирический материал, учитывать как (конкретно-языковую) форму, так и (универсальное) значение и сосредоточиться на установлении наиболее общих связей между первой и второй. Эта задача может показаться скромной (и даже частной), но именно в этом и состоит ее преимущество: Лазар напоминает, вслед за лауреатом Нобелевской премии по медицине Ф. Жакобом, что общие вопросы позволяют дать только очень ограниченные ответы, а чем конкретнее вопросы, тем более общими могут оказаться ответы на них; чрезмерное увлечение глобальными проблемами, как правило, является симптомом методологического кризиса науки.

Другие статьи первого раздела можно рассматривать как своего рода комментарии к этой вводной работе, развивающие и уточняющие ее отдельные положения. Так, во многих отношениях замечательная статья "Поиск семантических универсалий в лингвистике" посвящена более развернутому доказательству того, что межъязыковое сравнение должно опираться на универсальную семантическую субстанцию, которая по-разному структурируется в разных языках. Эта мысль теперь кажется почти тривиальной, но Лазар был одним из первых, кто ее высказал эксплицитно (статья впервые опубликована в 1981 г.). В этой же статье по существу впервые высказывается весьма популярная ныне идея построения "семантических карт" для типологического изучения грамматических категорий (приоритет здесь обычно отдается Л. Андерсону, первая публикация которого на эту тему датируется 1982 г.<sup>3</sup>). В статье "Существуют ли

межъязыковые категории?" обсуждается гипотеза об устройстве универсального семантического пространства (того, что иногда называется "универсальным грамматическим набором", с выделяемыми в его составе семантическими, или "фокальными" зонами. В статье "Актантная типология" к этим общим соображениям добавляется справедливое утверждение, что не все традиционные дескриптивные категории имеют межъязыковой статус (в связи с этим обсуждается категория медиа). В статье "Тема, рема: что это значит?" предпринимается попытка очертить границы другой важной семантической зоны (с учетом также инвентаря возможных формальных средств выражения данных значений). В статье "К вопросу о более строгой терминологии: некоторые принципы и предложения" уделяется более специальное внимание форме лингвистических терминов; в частности, рекомендуется избегать варваризмов и ненужных неологизмов. В качестве удачного неологизма автор рассматривает французские эквиваленты для обозначения двух граммем категории переклещения референции (англ. "switch reference"; об этой категории см. подробнее недавнюю публикацию [Подлеская 2001]): английскому "same subject" соответствует предложенный К. Ажежем термин "изофория", а английскому "different subject" – предложенный К. Ажежем термин "анизофория" или предложенный самим Лазаром термин "аллофория". Пару "изофория/аллофория", как нам кажется, действительно можно признать удачной – по крайней мере, у нее может быть, несколько больше шансов прижиться в русском типологическом узусе, чем у пугающе громоздкой "синкатегорематичности" И.А. Мельчука.

В статье "Проблема противопоставления имени и глагола в типологической перспективе" этот "вечный" вопрос рассматривается на материале восьми типологически различных языковых систем: французской, эскимосской, ацтекской, кабардино-черкесской, тайтянской, салишской (комокс), ирокезской (кайуга) и тагальской. Утверждается, что данное различие в той или иной форме присутствует во всем языкам, даже таким слабо дифференцирующим части речи, как адыгские, салишские или ирокезские; универсальными являются также показатели непредикативной синтаксической функции. Различия между именем и глаголом, естественно, могут проявляться в разных частях языковой системы: в морфологии (различный набор морфологических категорий), в синтаксисе (различная сочетаемость с показателями предикативной и актантами функций), в лексике;

<sup>3</sup> Следует учесть, что идея универсального семантического пространства и сопоставления грамматических значений разных языков по принципу "семантической смежности" (что фактически и означает семантическое картирование) была сформулирована Лазаром еще раньше, – в публикации 1975 г. о категории "эвентуалиса" (см. ниже, в обзоре статей четвертого раздела); так что Ж. Лазар должен по праву разделить с Л. Андерсоном приоритет открытия "семантических карт".

языки мира образуют своего рода континуум в отношении степени выраженности всех этих различий.

Наконец, статья "RIVALC и инварианты" представляет собой неопубликованное предисловие к готовящемуся сборнику статей этой руководимой Лазаром проблемной группы. В ней излагаются теоретические основы проекта и характеризуются те "инварианты", на описание которых нацелена исследовательская программа: актантные структуры, объектная зона, пассив, антипассив и переходность, семантические классы глаголов, типы подлежащего, предикатно-актантное согласование и выражение лица актантов в глаголе.

Проблематика данной статьи позволяет непосредственно перейти ко второй части сборника, в которой собраны статьи по типологии актантных отношений. В двух статьях "Анти-имперсональные глаголы, континуум переходности и понятие переходности" (написана по-английски) и "Грузинский язык: активная или эргативная структура? Типология анти-имперсональных глаголов" рассматривается (во второй специально на грузинском материале) малоизученный тип глаголов, представленных во многих эргативных языках – одноместные глаголы типа 'курить' с единственным актантом не в абсолютиве, а в эргативе. Такие глаголы предлагается называть анти-имперсональными потому, что они представляют собой как бы зеркальную противоположность имперсональным, имея в отличие от них не "опустошенный" агент и эксплицитный объект, а, напротив, эксплицитно выраженный агент и "опустошенный" объект; тем самым, эти глаголы трактуются как семантически двухактантные с невыраженным объектом. Отдельной проблемой является возможность постулировать у всех таких глаголов семантическую общность; в качестве кандидата предлагается семантический признак "наблюдаемых физических проявлений действия или состояния". Указано, что данное явление тесно связано (но не тождественно), с одной стороны, с проблематикой неаккузативных/неэргативных глаголов и, с другой стороны, с проблематикой языков активного типа. Последние рассматриваются в специальной статье "Так называемый активный языковой тип: размышления о холистической типологии", где автор достаточно критически анализирует хорошо известную ему теорию Г.А. Климова; с точки зрения Лазара, активный тип никоим образом не может считаться стадией языковой эволюции – это лишь один из типов выражения актантных отношений (который предла-

гается называть "дуальным"), обычно сосуществующий в языке с другими типами.

В статье "Актантные характеристики среднеевропейского типа" содержится попытка очертить типологическое своеобразие европейских языков в области выражения предикатно-аргументных отношений. К отличительным признакам "среднеевропейского" типа предлагается относить порядок слов SVO, аккузативность, одноличное спряжение (при согласовании глагола с подлежащим), наличие пассива с выраженным агентивным дополнением, отчетливое противопоставление агенса и подлежащего.

Интересная статья "Актант Н: подлежащее или дополнение?" посвящена определению синтаксической функции постглагольной ИГ в конструкциях типа франц. *il arrive des voyageurs* (≈ 'начинают прибывать путешественники'), англ. *there appeared a hatless stranger* (≈ 'и вот появился странник с непокрытой головой'), условно называемой "актантом Н". Рассматривается материал французского, немецкого, нидерландского, английского и норвежского языков, в каждом из которых ситуация индивидуальна: в немецком (и, скорее всего, в нидерландском) это инвертированный субъект, в норвежском это "квази-объект", тогда как французский и английский занимают промежуточное положение: во французском актант Н по своему статусу несколько ближе к объекту, а в английском – к субъекту. Актант с подобными свойствами следует считать ареальным (западно)европейским феноменом (с частичными параллелями в финском и некоторых других языках), причем во французском появление таких конструкций связано, скорее всего, с германским влиянием.

В статье "Функция актантного согласования" обращается внимание на те языки, в которых согласование актанта с предикатом происходит не во всех случаях. В качестве общего принципа, описывающего вариативность актантного согласования, предлагается правило "в согласовании участвует объект, обладающий наибольшей независимостью от предиката". Этот принцип объясняется требованиями прагматической организации предложения и связности текста, в обеспечении которых участвует согласование.

В данный раздел входит также статья "От ограниченной к обобщенной переходности", в которой намечаются контуры общей теории переходности, близкой к известной концепции Хоппера-Томпсон, но основанной на более строгих исходных посылах, и развернутая рецензия на вышедшую в 1994 г. книгу Диксона "Эргативность". Книге Диксона да-

ется очень высокая оценка (что подтвердилось ее последующей научной судьбой – это одна из самых цитируемых работ по теории эргативности), но по ряду пунктов Лазар вступает с Диксоном в полемику (наиболее содержательные аспекты этой полемики касаются данных индоиранских языков и трактовки расщепленной эргативности).

Третья часть сборника тесно примыкает ко второй по своей проблематике, но в нее входят статьи, касающиеся явлений, представленных в так называемой “объектной зоне” – одним из наиболее сложно организованных фрагментов универсального семантического пространства.

Статья “Морфема *rā* в персидском языке и актантные отношения” (впервые опублик. в 1982 г.) является одной из наиболее известных работ Ж. Лазара; в ней данные персидского языка рассмотрены на широком типологическом фоне и впервые эксплицитно показано, что морфема *rā* является характерным примером так называемого “дифференциального маркирования объекта”, при котором выражение объектной функции зависит от референциальных и коммуникативных свойств соответствующей ИГ. Эта же проблематика находит продолжение в статьях “Персидское *rā* и китайское *ba*” и “Вариативность актантной структуры и категории объекта”. В последней статье (написанной по-английски) вводится иерархия индивидуализованности (“individuation”) объекта с двумя основными классами конструкций: биполярной (в которой объект образует с предикатом единый комплекс) и триполярной (в которой объект относительно независим от предиката). Эта тема в более общем плане рассматривается и в статье “Понятие актантного расстояния”, где предлагается распространить идею грамматического расстояния (отражающего различный статус объекта в биполярных и триполярных конструкциях) на все именные актанты пропозиции, что позволяет построить шкалу переходности от инкорпорированных объектов до глагольных сирконстантов (аналогичная шкала намечена и в упомянутой выше статье из второго раздела).

Четвертая часть сборника, как уже было сказано, занимает несколько более обособленное положение. В ней представлены работы, затрагивающие проблематику ирреальности, эвиденциальности и аспекта; большинство из них написано в самое последнее время.

Исключением в этом плане является, однако, открывающая раздел статья “Категория эвентуалиса”, написанная еще в 1975 г. Как уже отмечалось, в ней по существу впер-

вые излагается принцип семантической смежности, лежащий в основе межъязыкового сравнения грамматических значений и построения семантических карт. Непосредственным же материалом автору послужили глагольные формы, выражающие значения паст-хабитуалиса и ирреалиса (последнее значение, с нашей точки зрения, точнее было бы называть контрафактическим следствием: оно представлено в аподозисе контрафактических условных конструкций). Отправной точкой для рассуждений Лазара является факт частого совмещения обоих значений в одном и том же показателе (ср., например, английские конструкции с *would*). К описанию этой семантической зоны Лазар еще раз обращается в статье “Выражение ирреалиса: опыт типологии”, где отмечает, в частности, что ирреалис (= контрафактическое следствие) чаще всего выражается с помощью комбинации показателей прошедшего времени и так называемой виртуальности, т.е. неактуального характера ситуации (виртуальная ситуация может быть будущей, желаемой, возможной, узуальной и т.п.; в типологических работах обычно именно это значение и называется ирреалисом [Givón 1994]).

В статье “Миративность, эвиденциальность, медиативность?” (написанной по-английски) Лазар вновь возвращается к понятию медиативности, предложенному им еще в 1956 г. при описании глагольной системы таджикского языка. Медиативность является неполным эквивалентом понятия эвиденциальности, использовавшегося первоначально в работах по языкам американских индейцев и получившего всеобщую известность благодаря Р. Якобсону (отметим несомненный приоритет Лазара и в этой области). Третий термин – миративность – был введен в недавней работе американского типолога С. ДеЛанси для обозначения ситуаций, имеющих для говорящего статус “нового знания”. Лазар, однако, полагает, что убедительных аргументов в пользу трактовки миративности как особой универсальной категории пока не получено: существующие данные указывают, что миративные значения в основном входят в качестве составной части в значение эвиденциальных показателей медиативного типа, т.е. таких, в которых устойчиво совмещены значения инферентива (предположение о ситуации на основании ее наблюдаемого результата), цитатива (указание на чужую речь в качестве источника знаний говорящего о ситуации) и адмиратива (восприятие ситуации как новой или неожиданной для говорящего).

Заключительная статья "Вид, время, способ действия" содержит попытку применить аспектуальную концепцию французского семитолога Давида Коэна [Cohen 1989] к типологическому анализу четырех глагольных систем – французской, персидской, русской и бадага (дравидийская семья). Концепция Д. Коэна исходит из существования двух оппозиций в аспектуальной сфере: комплетива/инкомплетива и синхронности/несинхронности с точкой отсчета. Помимо аспекта, в языках может выражаться также категория способа действия, в которую входит прежде всего противопоставление по предельности/непредельности, а также инхотатив, континуатив, итератив, семейфактив, конатив и др. значения. Русская глагольная система в этих терминах описывается как система с невыраженной синхронностью и немаркированным НСВ, т.е. в целом русский оказывается языком, в котором аспектуальность подчинена предельности (подобный вывод, впрочем, уже делался целым рядом славистов).

По поводу концепции Д. Коэна можно сказать, что в свое время она, безусловно, была шагом вперед в типологическом описании аспекта, но в ней имеется целый ряд ограничений и недостатков, которые особенно чувствительны именно при типологическом исследовании. С нашей точки зрения, применение этой концепции в типологии особенно неудачно из-за слишком узкой трактовки аспекта и, напротив, слишком широкой трактовки способа действия – под это понятие попадают как явления, связанные с акциональной классификацией предикатов (но далеко не все), так и явления скорее аспектуальной природы. Во многих современных типологических концепциях (в частности, у Л. Юхансона, у Х. Зассе и В. Броя, в определенном отношении у К. Смит и др.) эти противопоставления разграничены лучше и трактовка аспекта в целом глубже и адекватней (см. подробнее обзор этих исследований в [Плунгян 2000]). Как бы то ни было, концепция Коэна имеет право на существование, и знакомство типологов с ней бесполезно.

Таким образом, приведенный обзор, при всей своей беглости, дает, как мы надеемся, представление о значительности вклада Лазара в типологическую проблематику, о широте рассмотренных им проблем и новаторстве многих решений. Данный сборник, безусловно, должен занять почетное место в библиотеке любого типолога. Заметим в заключение, что российские типологи могут быть особенно признательны Ж. Лазару как одному из немногих западных лингвистов, систематически использующих русскоязычные работы и хорошо ориентирующихся в достижениях отечественной типологии: ссылки на Г.А. Климова, А.Е. Кибрика, Н.А. Козинцеву, В.П. Недялкова и других лингвистов в работах Лазара нередки и всегда уместны.

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Плунгян 2000 – В.А. Плунгян. Общая морфология: введение в проблематику. М., 2000.
- Подлесская 2001 – В.И. Подлесская. Переключение референции: дискурсивные функции грамматической категории // Исследования по теории грамматики. Вып. I: Глагольные категории. М., 2001.
- Cohen 1989 – D. Cohen. L'aspect verbal. Paris, 1989.
- Daniel, Plungian 1999 – M. Daniel, V.A. Plungian. STUF 1999. 51. № 1: Rec.: J. Feuillet (ed.) Actance et valence dans les langues de l'Europe. Berlin, 1999.
- Feuillet 1998 – J. Feuillet. Actance et valence dans les langues de l'Europe. Berlin, 1998.
- Givón 1994 – T. Givón. Irrealis and the subjunctive // Studies in language. 1994. 18. № 2.
- Lazard 1957 – G. Lazard. Grammaire du persan contemporain. Paris, 1957.
- Lazard 1994 – G. Lazard. L'actance. Paris, 1994.
- Lazard 1998 – G. Lazard. Actancy. Berlin, 1998.
- Lazard, Peltzer 2000 – G. Lazard, L. Peltzer. Structure de la langue tahitienne. Paris, 2000.

В.А. Плунгян

**P. Wexler. Two-tiered Relexification in Yiddish, Jews, Sorbs, Khazars, and the Kiev-Polessian Dialect.** Berlin; New York, Mouton de Gruyter, 2002. (Trends in Linguistics. Studies and monographs 136), 713p. + index + bibliography.

Рецензируемая книга "Двуступенчатая релексификация в идише – евреи, лужичане, хазары и киевско-полесский диалект" венчает большую серию работ П. Векслера, опубликованных в последнее десятилетие. В этих

работах излагается его парадоксальная концепция происхождения еврейских языков, в частности, идиша. П. Векслер – один из самых известных специалистов по еврейским языкам. Уроженец Соединенных Штатов,